

**РОМАН
БРАНДШТЕТТЕР**

**АССИЗСКИЕ
ХРОНИКИ**

Роман Брандштеттер

Ассизские хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34753655

Ассизские хроники: Издательство Францисканцев;

ISBN 5-89208-017-X

Аннотация

«...Повесть «Ассизские хроники» – первая книга выдающегося польского писателя Романа Брандштеттера (1906-1987), которая выходит в России. Это может показаться удивительным, если принять во внимание масштаб его творчества (одних только пьес Брандштеттер написал более двадцати), но если учесть, что большинство созданных им произведений имеет ярко выраженный религиозный характер, то отсутствие должного внимания к ним со стороны переводчиков в «эпоху коммунизма» представляется вполне естественным. Не будем забывать, что и произведения Чеслава Милоша, лауреата Нобелевской премии, эмигрировавшего из Польши, в русском переводе появились тоже совсем недавно...»

Содержание

Предисловие	5
Ассизские хроники	9
Путь в Ассизи	10
Мистерия Ассизи	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман Брандштеттер

Ассизские хроники

© Издательство Францисканцев, 1999

© Игорь Баранов, перевод и предисловие, 1999

* * *

Предисловие

Повесть «Ассизские хроники» – первая книга выдающегося польского писателя Романа Брандштеттера (1906-1987), которая выходит в России. Это может показаться удивительным, если принять во внимание масштаб его творчества (одних только пьес Брандштеттер написал более двадцати), но если учесть, что большинство созданных им произведений имеет ярко выраженный религиозный характер, то отсутствие должного внимания к ним со стороны переводчиков в «эпоху коммунизма» представляется вполне естественным. Не будем забывать, что и произведения Чеслава Милоша, лауреата Нобелевской премии, эмигрировавшего из Польши, в русском переводе появились тоже совсем недавно.

Как в творчестве, так и в жизни Романа Брандштеттера отличала духовная независимость – причем не только от какой-либо идеологии, но и от различных литературных течений и групп. Он выбрал индивидуальный путь и предпочитал общение в среде духовенства встречам с коллегами-литераторами. Каждую страницу в своей записной книжке он начинал словами: «Во имя Божие!» И это не были просто слова. Бог действительно занимал первое место в жизни Брандштеттера, хотя путь к вере для него оказался нелегким. Во время Второй мировой войны он потерял почти всех своих

близких, а сам был вынужден уехать (через Париж, Вильно, Москву и Баку) в Иерусалим. Там писатель прожил несколько лет, прежде чем у него появилась возможность вернуться обратно в Польшу. Незадолго до этого произошло его обращение к Христу. Путь на родину лежал через Рим. Потом – через Ассизи, город, чье название неразрывно связано с именем святого Франциска, который там родился, жил и творил чудеса, а незадолго до своей смерти, полуслепой и измученный незаживающими крестными ранами, сочинил свой знаменитый «Гимн брату Солнцу». В этом городе душа человека остается наедине с небом, и если ей удастся услышать его музыку, она чувствует биение сердца Ассизи. Услышав эту музыку хоть однажды, душа уже не может расстаться с надеждой вновь насладиться ее неземным звучанием. «Ассизские хроники» можно назвать духовным паломничеством Брандштеттера в город музыки, которую он был не в силах позабыть...

В Польше произведения Брандштеттера, среди которых особенное место занимает тетралогия «Иисус из Назарета» («Jezus z Nazarethu»), получили широкое признание. Порой они даже оказывали решающее влияние на духовные судьбы людей. В архиве писателя сохранилось письмо слепой женщины, которая вместе со зрением утратила веру в Бога; после того как ей прочитали «Иисуса из Назарета», она вновь обрела веру, а с нею – и смысл жизни.

В XX веке, в эпоху секуляризованной культуры, когда экс-

перименты над языком и читателем стали писательской нормой, явление такого автора, как Брандштеттер, можно считать уникальным и благодатным. «...Писатели часто не отдадут себе отчет в том, что они в определенной степени формируют сознание, жизнь, взгляды читателя... Ответственность писателя за то, что он пишет, чрезвычайно велика»¹, – говорил Брандштеттер. Насколько непопулярна, «немодна» такая точка зрения в современном литературном мире!

Обращаясь в своем творчестве к евангельским сюжетам, Брандштеттер делает их событиями нашего времени, дает возможность читателю стать не только очевидцем, но и участником встреч с Христом. Свой поэтический сборник «Песнь о моем Христе» («Piesn o moim Chrystusie») он называл «песней о Боге среди людей XX века».

Но было бы заблуждением полагать, что Брандштеттер ограничивался лишь узкорелигиозной тематикой. Он писал о Рембрандте и о Шопене. В числе его драматических произведений – пьесы на исторические, мифологические и современные сюжеты.

Многие книги Брандштеттера были переведены на другие языки, а его пьесы ставились как в Европе, так и за океаном. Трагикомична судьба «Ассизских хроник» после их выхода в свет. Официальные польские власти, которые отнюдь не питали к Брандштеттеру христианской любви, изъяли весь тираж книги и отправили его на склад. Впоследствии на стене

---

¹ Jan Gora OP «Gos wiecznego domu», s. 79, Poznan, 1990.

в кабинете писателя висел вставленный в рамку документ от 23 января 1953 г., уведомлявший гражданина Брандштеттера о том, что по распоряжению Министерства просвещения Польской Народной Республики книга под названием «Ассизские хроники» передана в Центральное хранилище вторсырья. Спустя несколько лет после этого распоряжения книга выдержала несколько переизданий и переводов...

Хотя «Ассизские хроники» не принадлежат к числу наиболее крупных произведений Брандштеттера, они во многом отражают поэтику и духовное содержание его творчества. Говоря об особенностях этой повести, следует отметить, что в польском оригинале отсутствуют примечания. Однако в русском переводе «Ассизских хроник» для облегчения восприятия текста они были сделаны – естественно, там, где это представлялось уместным и возможным.

Ассизские хроники

*Посвящается Рене, моей верной спутнице во
время францисканских путешествий*

Путь в Ассизи

Иудейские горы застыли на полпути к небу. Из окон нашей комнаты видно белое каменистое шоссе, сбегаящее к средневековому монастырю. На нашем столе лежат письма умерших. Эти люди умерли мученической смертью в нико-

му не ведомый час. Сначала их письма были как белые голуби, потом слова поблекли и стали бесцветными, как пространство и время. И больше в них не осталось ничего, кроме пространства и времени.

Мы окидываем взглядом облачное небо, и все, что нас окружает, теперь кажется нам чужим и далеким: и эта земля, которая не является нашей землей, и этот дом – пристанище для путника в пустыне мира. Столько смерти вокруг! Усопшие приходят к нам во сне, притворяются живыми и благодаря этому хотя бы несколько минут живут в нашем сне, радостные, довольные, обеспокоенные будничными заботами. В нас звучит музыка прошлого, всех умерших дней и лет и всех ушедших из жизни людей. Погруженные в эту стихию смерти, мы глядим по ночам на звезды, и нам кажется, что одна из них – это звезда нашей матери. Мы разговариваем с нею в знойные ночи, наполненные жужжанием mosкитов и шуршанием убегающих скорпионов. И тогда в нас повторяется минувшее. Мы ощущаем его настолько отчетливо, что можем точно описать вид буфета, который стоял в материнской комнате. Мы слышим спокойный голос отца и бой старых часов, отмерявших счастливое время трем поколениям.

Бывают дни, когда мы не переносим присутствия людей возле нас и тогда идем на далекие прогулки за город, в долину Святого Креста, где есть только горы, напоминающие нам родное Закарпатье, и небо, которое напоминает о смерти самых близких нам людей. В один из мартовских дней клин

журавлей летел на север. Мы взволнованно, со слезами провожали глазами птиц, летевших к воротам далекого горизонта, и чувствовали страх перед возвращением на родину, где Бог вершил Страшный Суд над миллионами людей.

* * *

Чем ближе день к закату, тем сильнее в нас страх перед необъятной бездной космоса, которую вскоре разверзнет над нами ночь. В ночную пору открывается бездна. Мы тоскуем по утреннему шуму ветвей, потому что в это время дня бесконечность бытия сжимается (во всяком случае, так нам кажется) до размеров зримого мира.

Мы стоим на крепостных стенах древнего Иерусалима и смотрим на каменный пейзаж, тонущий в лучах заходящего солнца. Пение муэдзина кружится среди кипарисов и бесшумно опускается на голые, плоские крыши домов – так падает кнут на склоненные спины рабов. Долина под крепостными стенами постепенно наполняется вечерним багрянцем. Кажется, что огромные обломки скал, лежащие у подножия стен, словно измученные жарой тигры, покорно смягчаются от прикосновений последних солнечных лучей. Над нами широкая лестница, встревоженная тишиной, второпях убегает вверх, как стадо овец. Только издалека, возможно со склонов Гефсиманского сада, а может быть из глубины долины Иосафата, кричит усталый мул, но и он замол-

кает, поняв, что своим криком неосмотрительно нарушает молчание уходящего дня.

Короткие здесь вечера. Ночь быстро приходит на смену усталому дню. Солнце поспешно скрывается за горами, до последнего мгновения окрашивая пейзаж в цвет светло-красной меди. Все, что следует потом, – это уже ночь. Может быть, именно поэтому покой на границе дня и ночи – лишь иллюзорный. Золотые дома, словно сборище нищих, прильнув друг к другу, стоят без движения; скалы молчат, и мул уже давно улегся на соломенной подстилке; но все же мир не дремлет, пребывая в большой тревоге, как будто не доверяет закату солнца и надвигающейся ночи. Эта земля никогда не отдыхает. Она находится в постоянном ожидании, все время бодрствуя и воспринимая все, что вокруг нее происходит: небо, которое, подобно лестнице Иакова, соединяет город со звездами; дневные события и сны ночи; дуновения ветра, шумящего среди кактусов; людей, которые тяжело дышат во сне за муслиновыми шторами.

Душная иерусалимская ночь. Дует знойный ветер пустыни, похожий на власяницу, наброшенную на нагое тело.

* * *

Над горами Иудеи поднимается луна. Лунный свет длинными полосами ложится на огромные кактусы, своими очертаниями напоминающие фантастических животных с десят-

ками косматых лап. Со стороны Старого города, вместе с запахом подгоревших олив и острым ароматом пряностей, доносится горловое пение муэдзина. Бедуин в темной одежде и белом бурнусе, покачивая бедрами и едва сгибая ноги, танцующей походкой проходит мимо нас, как библейское видение...

Нас волнует проблема внутреннего поступка. В каждом человеке таится море скрытых грехов и искушений, которые, скованные цепями, покоятся на дне души, как каторжники на дне корабля. Что же делать с тем адом, который в нас заключен? Как освободиться от бремени молчаливых искушений, нарушающих ясность нашей внутренней жизни и вносящих сумятицу в душу?

Мы одиноки. Все люди, которые были гостями нашей жизни, ушли. Глубина и восприимчивость наших чувств ограничена. Некоторые люди с трудом умещаются в них и тогда уходят, чтобы никогда к нам не вернуться. В этом нет ни их, ни нашей вины. Самое важное в этом нелегком расставании людей – вероятно, только следы пережитого, которые остаются в нас. Этим следам мы с горечью даем имя человека, запечатлевшего их.

Луна, еще минуту назад золотая и безмятежная, теперь в лисьей шапке, как в рыжей короне, беспокойно плывет по небу, в котором слышится отголосок бури, приближающейся со стороны иудейской пустыни.

Узкая улочка в Старом городе. Полуденный зной мучителен. Мы сидим в арабской кофейне и пьем черный кофе. Неподалеку отсюда тянется вверх Виа Долороза². Мы разглядываем каменные стены вокруг, разноцветное белье, развевающееся на знойном ветру, зеленые жалюзи соседнего дома. Какой-то араб со слезящимися глазами идет по улице, выплевывая белые семечки дыни. Охрипший граммофон, который давно уже наигрывал какую-то восточную мелодию, внезапно замолчал. С улицы повеяло пустотой.

Надо быть осторожным в оценках человеческой жизни, полной падений и отчаянных метаний. Суд над жизнью человека – дело необычайно трудное, потому что вместе с самим человеком следует судить и его мир, дом, где он живет, деревья, в тени которых он привык отдыхать, камни, по которым он ступает. А прежде всего надо бросить на чашу весов тяжесть его молчания, сопровождавшего слова, поступки и шаги.

В те минуты, когда мы сидели в арабской кофейне, все вокруг нас было отображением нашей пустоты: и дома, погруженные в зной, и небо цвета полинявших театральных деко-

---

² Виа Долороза (лат. Via Dolorosa, «дорога Скорби») – улица в Иерусалиме, по которой Иисус Христос шел на Голгофу (здесь и далее – примечания переводчика).

раций, и араб, монотонным движением руки отгоняющий от пирожных назойливых мух. Медленно проплывавшее время измеряло глубину этой пустоты. Неизвестно, что определяло движение этого времени: ход часов на церковных башнях, шаги человека, проходившего мимо нас, или, может быть, тень кедра, падавшая на наши ладони. Наша жизнь складывается из несчетного числа смертей. Достаточно вслушаться в только что произнесенное слово, проводить взглядом уходящего человека, вспомнить огонь прошедшей любви, чтобы ощутить постоянное приближение смерти. Так неужели каждое рукопожатие, каждый влюбленный взор, каждый радостный миг и каждый вздох – это всего лишь ступени непрерывного умирания, знаки геракпитовых метаморфоз³. Неужели в нас действительно нет ничего, кроме постоянного ожидания того, что не придет никогда?

Мы бродим по Старому городу. Виа Долороза ведет нас извилистым путем, затейливым, как арабские буквы, и мы останавливаемся на площади, ведущей в храм Гроба Господня. Площадь запружена людьми. В вышине, словно тяжелые уставшие птицы, колышутся колокола. Люди проталкиваются ко входу в базилику. Мы проходим мимо и через ворота Святого Стефана идем вдоль старых крепостных стен в сторону долины Иосафата. Вдали, в золотых лучах солнца, сияют древние кладбища на горе Сион и гробницы пророков;

---

³ Гераклит Эфесский (конец VI – начало V в. до н. э.) – древнегреческий философ, высказавший идею непрерывного изменения: «Все течет, все изменяется».

немного ниже, как умирающий лев с поднятой к небу пастью, золотится гроб Авессалома⁴. Глинобитные дома в Силоаме⁵ напоминают своими очертаниями погребальные урны.

* * *

Однажды мы нашли среди старых бумаг репродукцию распятия, находящегося в церкви Святого Дамиана в Ассизи, работы скульптора Иннокентия да Палермо. Мы не могли оторвать взгляда от лика Христа, чье скорбное выражение, точно переданное рукой итальянского мастера, произвело на нас глубокое впечатление. Мы откладываем репродукцию и возвращаемся к прерванной работе, а когда через некоторое время вновь смотрим на распятие, не можем понять, откуда у нас появилась мысль о духовной связи, существующей между нашей судьбой и шедевром итальянского монаха. Откуда взялось это убеждение? Почему так тревожно бьются наши сердца? Почему этот крест показался нам посланием давних времен, долго путешествуя по миру в поисках исчезнувшего адресата? Может быть, эта скульптура была для нас олицетворением красоты, которая – как мы

---

⁴ Авессалом, третий сын царя Давида, вошел в историю своими преступлениями и был убит во время сражения с войсками своего отца. Его тело было засыпано камнями неподалеку от Иерусалима.

⁵ Район в юго-восточной части Иерусалима, где находился Силоамский источник, упоминаемый в Евангелии (Ин 9, 7-11).

предчувствовали – где-то должна была существовать? Мы смотрим на нее, как на страницы, написанные рукой самого дорогого нам человека, которого мы давно не видели, а возможно, даже забыли среди бурных событий последних лет. Во всяком случае, тогда нам было ясно, что содержание этого удивительного письма из далекой эпохи является для нас доброй вестью, знаменующей решение тех проблем, с которыми мы прежде безрезультатно боролись. В этой скульптуре в простой и мудрой форме были представлены все страдания мира и намечены пути, ведущие к главным целям, которых мы еще не знаем, хотя и уверены в их существовании. Ночь воцаряется в человеческом сердце для того, чтобы стали видны его звезды.

Тогда была декабрьская ветреная ночь, одна из тех, которые человек помнит до конца своих дней. За окнами на ветру беспокойно шумели кипарисы.

* * *

В шалаше Иакова происходила тяжелая схватка⁶. Человек все более ожесточенно сопротивлялся Богу, Который на каждый его протест отвечал дождем камней и наказывал ночами, полными страха и ужаса.

Разразилась декабрьская гроза. Сквозь дождевую заве-

---

⁶ Ассоциация автора связана с Иаковом, ветхозаветным патриархом, получившим благословение от Бога после борьбы с Ним (Быт 32, 22-32).

су проглядывали туманные очертания иудейских гор. Вода быстрыми ручьями струилась в долину, шумела среди камней, гневная и неумолимая. Оливковые рощи, окружающие близлежащую крепость крестоносцев, на которую мы каждый день смотрим из нашего окна, словно золотые кадила, источали дымку тумана.

Понемногу мы начинаем понимать, что для человека, которого преследует Бог, весь мир становится тесной сетью. Никогда не известно, в какой момент наступит пора перемен, но когда она наступает, все, что происходит вокруг тебя, бедный человек, безошибочно толкает в невод галилейского Рыбака. И тогда даже тень дерева, падающая на твой разгоряченный лоб, даже сонный шелест ветвей могут стать причиной твоего спасения.

Ночь была долгой. До рассвета продолжалась борьба с ангелом. Она была неравной, как и всегда в тех случаях, когда Бог дает нам последний шанс спастись от бездны. И что же можем мы, слабые люди, втянутые в историю этой ночи, как в колесо Иксиона⁷, противопоставить натиску ангела, который неизвестно зачем вступил с нами в таинственную борьбу? Чаша горечи и испытаний должна быть выпита до дна. То же самое относится и к чаше одиночества. Те, кому суждено обрести новые жизненные ценности, должны утратить

---

⁷ Иксион – персонаж из греческой мифологии, царь лапифов в Фессалии, которого, по преданию, в наказание за то, что он похвалялся своей победой над богиней Герой, Зевс велел привязать к вечно вращающемуся огненному колесу.

все прежние ценности, и если этой прежней ценностью был кто-то из близких, он должен отпасть, как увядший лист. И даже если этот увядший лист – или камень – был во главе угла, то и в этом случае он должен подвергнуться уничтожению. От скольких чувств приходится отказываться, чтобы остаться верным себе!

Утро, которое наступило после той ночи, впервые за многие годы было особенно приветливым. У него был вкус собственноручно сорванного спелого плода. Под прояснившимся небом дрожала ветка, стряхивая тяжелые капли дождя, которые остались после ночного ливня. Земля в саду размякла, как тесто, и на ней были отчетливо видны следы шакалов, которые ночью осторожно подходили к дому, но, не найдя пропитания, вернулись в долину.

Дым угасающей печи, как туман, растворялся в воздухе. Был хороший, ясный день цвета овечьей шерсти. Люди, которых видишь в такие минуты, – это как бы тени волшебного фонаря, а действительность – лишь притчи Господа, следы ступней на озере, одинокие мытари, одержимые из страны Гадаринской⁸ и умершие смоковницы.

* * *

Мы стоим у окна и смотрим в долину, раскинувшуюся у

---

⁸ Ср. Мк 5, 1-13.

подножия дома. Впервые мы видим ее такой, какой она была в действительности.

Здесь, в глубине этой долины, давным-давно несколько лесорубов срубили дерево для Креста, на котором был распят Бог. Из густого леса, который некогда находился в долине, они выбрали лишь одно дерево, которое познало тяжесть Бога. Остальные деревья не удостоились этой милости, они остались в долине, вросшие широкими корнями в плодородную почву, полные нескрываемой зависти оттого, что рука Провидения обошла их в этой святой мистерии Спасения, что лишь одно из них было допущено к чуду Голгофы, к последней и единственной радости нести на своем стволе тяжесть Тела Господня. Начинается молитва деревьев. Шумом горячего ветра жалуются небу на свою земную судьбу живые наследницы тех несчастных деревьев, родные сестры дерева, ныне цветущего на небесах.

* * *

До тех пор, пока мы не узнали о жизни и творчестве святого Франциска, в окружающем нас обществе мы видели лишь людей, отделенных друг от друга непреодолимым барьером эгоистических чувств. Все, что нас окружало, существовало исключительно для себя. Люди, замкнутые в своей жизни, как в раковине улитки, не выходили за узкие пределы соб-

ственных переживаний и забот. То же самое происходило с природой. Рощи жили ради самих себя, озера – ради себя, небеса – ради себя, травы шумели только для себя и реки текли лишь для себя. У людей, деревьев и облаков были свои собственные мысли, которые они не открывали друг другу и которыми не обменивались между собой.

После прочтения «Гимна брату Солнцу» мы осознали сущность дерева, бросающего тень на зеленую траву, мудрость неба, дарующего воде отражение своей синевы, поняли чувства жаворонка, цветом своих крыльев напоминающего свежевспаханную землю. Но прежде всего мы поняли благородную заповедь святого Франциска, который велел нам искать границу нашей человечности в наших ближних. Таким образом святой Франциск научил нас смотреть на мир как на мудрое построение, в котором путеводной нитью является гармоничное сосуществование всех со всеми. Расширились границы нашего мира, потому что мы стали понимать собственную незначительность.

И тогда мы увидели прежде не виденные сады и оливковые рощи, а над ними город, в котором царит тишина, прозрачная и легкая, как крылья бабочки. Пейзаж надо застать врасплох – тогда можно увидеть очарование его свежести и понять его подлинную суть.

И вот мы видим во сне добрых и простых людей, говорящих молчаливым и ласковым прикосновением руки. Мы видим огонь, который является нашим братом, смерть, которая

стала нашей сестрой, звезды, которые не страдают, и ночи, нежные, словно агнцы. Мы видим воду, на которую не следует наступать, и грозы, которые, подобно библейским ангелам, измученным дальней дорогой, стучатся в двери нашего дома с просьбой о пристанище.

От страниц «Цветочков святого Франциска»⁹ исходят росистые утренние запахи. То, что еще минуту назад было отдаленным мифом, погребенным под громадой сизифового камня, теперь становится реальностью, оливковой рощей, дающей тень, цветущим лугом и высокой травой. Тесный пейзаж, который мы видим из окон нашей комнаты, лопается, как обруч, и прежде чем осознать чудо рождающихся на наших глазах видов, мы узнаем в них себя с той же ясностью, что и в зеркале, когда с него срывают покров. Самые прекрасные виды – это виды человеческого сердца. В каждом сердце, независимо от того, чье оно – нищего или богача, труса или героя, преступника или ангела, – за пределами пустыни тянутся цветущие луга и плодородные земли. В каждом человеке за стеной тумана и умерших снов живет предчувствие этих земель.

Закрылись пути ночи. На нашем столе лежал «Гимн брату Солнцу» святого Франциска, этот сладкий хлеб серафимов, который насыщает самых голодных и жаждущих.

---

⁹ «Цветочки святого Франциска», или «Fioretti» (ит.) – книга, написанная в конце XIV в. неизвестным итальянским автором, который на основании латинских источников и устной традиции описал на народном языке поступки и беседы св. Франциска и его учеников.

* * *

Святой Франциск явил красоту природы восхищенным глазам средневекового человека. Впервые за многие века пейзаж стал говорить людям красками и запахом цветов и деревьев, шумом потоков и тишиной ночи. Мертвый канон природы был разрушен. Жизнь цветов и пение птиц ворвались в человеческое сознание. Природа перестала быть фоном и орнаментом, а стала частью наших представлений о красоте и добре, символом гармонии и согласия, формой благого содержания, данного нам Богом. Растоптанный цветок стал достоин милосердия, огонь – любви, а звезды – восхваления.

* * *

Поезд бежит среди пожелтевших полей, сожженных солнцем и ветрами, по глубокой долине к низине Шарона. На одном из крутых поворотов мы увидели стены удаляющегося Иерусалима, минареты, возвышающиеся среди молчаливых кипарисов, и сады Гефсимании, залитые золотом солнечных лучей. Когда мы теперь стали размышлять о смысле происходивших в нашей жизни событий, нам открылось, что они образуют мудрую и логичную картину. Каждый прошедший

день и каждый ушедший человек исполнил в ней свою трудную роль. В этой картине не было никаких пустот. Все, что в ней происходило, имело свою мудрую цель, свое время и безошибочный результат, все это было таким последовательным, словно создавалось рукой художника, искусно располагающего на холсте свет, тени и краски.

Поезд бежит через пустынные дюны. Наступила ночь. С моря потянуло соленым ветерком. Во мраке ночи под золотыми созвездиями остались пейзажи Святой Земли, единственные пейзажи, которым скорбный вид придала смерть Бога.

* * *

Горячий воздух колеблется, как занавесь на ветру. Пинии¹⁰ похожи на поднятые руки, поддерживающие небосвод. Мимо проплывают старые акведуки, которые, как огромные пепельные ящеры, стоят на страже римской Кампании¹¹. Из-за покатых пригорков появляется город с несколько размытыми, как на старой гравюре, очертаниями.

Человек, впервые приезжающий в Рим, должен привыкнуть к гегемонии прошлого, которая царит здесь повсюду. Когда мы смотрим на лазурное небо над римским форумом, оно кажется нам еще одним фризом капитолийского храма;

---

¹⁰ Пиния – итальянская сосна.

¹¹ Кампания – предместье Рима со стороны Тирренского моря.

покупая фрукты у неаполитанского лоточника, мы с удивлением находим в его лице сходство с помпейской скульптурой, которой только что восхищались в Национальном музее, а крестьянка из римской Кампании с ребенком на руках, в иератическом¹² движении застывшая на повозке, напоминает изображение Божией Матери на апсиде собора Святого Марка в Венеции.

Бездонен колодец прошлого. Следы наших шагов на Виа Сакра¹³ путаются со следами римского прохожего, который шел этим же путем две тысячи лет назад, а запах моря на Капри оказывается тем же самым, который вдыхал умирающий Тиберий¹⁴. Впрочем, мы быстро привыкаем к этому. И когда солнце заходит над Пинчио¹⁵, нам кажется очевидным, что люди, кружащиеся среди пиний, и пинии, озаренные закатными лучами, созданы из воздушной ткани истории. Лютня москитов, неподвижно висящая в воздухе, звенит миллионами металлических звуков. С террасы, повисшей над Пьяцца-дель-Пополо¹⁶, видна панорама Рима, окутанного легким туманом, поначалу лиловым, а с заходом солнца – все более

---

¹² Иератический (от греч. hieratikos – священный) – зд. торжественно-замедленный.

¹³ Виа Сакра – древняя дорога в Риме.

¹⁴ Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император.

¹⁵ Пинчио (ит. Pincio) – небольшой парк в Риме, в котором находятся скульптурные изображения исторических персонажей и деятелей искусства.

¹⁶ Piazza del Popolo (ит.) – одна из главных площадей в Риме; ее название можно перевести как «Народная».

серым. И нас уже не удивляют ни лица проходящих мимо женщин с чертами этрусских статуй, ни официанты, суесящиеся в парковом кафе, с лицами мраморных мифологических героев, мудрецов и поэтов, чьи статуи белеют в аллеях Пинчио. Союз времени с человеком становится настолько тесным, что мы с трудом находим самих себя во мраке ночи, которая полна отголосков прошедших событий.

* * *

У итальянского пейзажа музыкальный характер, однако музыкальность выражается не только в звуках, сопровождающих каждодневную жизнь этой земли, но также и в совершенных, мудрых очертаниях холмов и долин, в перспективе кипарисовых аллей, в меланхолии античных фонтанов, напоминающих цветом и запахом произведения Дебюсси¹⁷. Эта музыка длится непрерывно, она продолжает звучать в ангельских хорах утра и в григорианской мелодии вечера. Она продолжается даже тогда, когда мрак теплой ночи стирает очертания пейзажа, потому что молчание тоже может быть разновидностью музыки.

---

¹⁷ Клод Ашиль Дебюсси (1862-1918) – французский композитор, основоположник музыкального импрессионизма.

* * *

Вот они, таинственные книги пейзажей, оправленные в бесценную лазурь горизонтов. Кто же прочитает эти многотомные книги красоты, написанные деревьями, реками, холмами, эти золотые страницы с оттенком старого пергамента, иллюстрированные лунным светом, багрянцем рябин и полетом ласточек? Итальянские пейзажи действуют успокаивающе на человека, но беспокойство всех горизонтов столь же тревожно, как и барьеры, отделяющие человека от человека, поскольку мысли пейзажа не выходят за пределы его горизонта.

* * *

Аппиева дорога¹⁸ давным-давно была дорогой смерти. Здесь в кипарисовой аллее возвышались внушительные гробницы римских патрициев. Сегодня нам трудно себе представить, как этот радостный пейзаж римской Кампании мог быть стянут, словно траурной лентой, поясом каменных гробниц. Бедные римские патриции! От их бессмертия на Виа Аппиа, запечатленного в гробовом камне, остались

---

¹⁸ Аппиева дорога (лат. Via Appia) – первая римская мощеная дорога, проложенная при цензоре Аппии Клавдии в 312 г. до н. э.

только руины. Гробницы превратились в пыль, гибкий плющ обвил потрескавшиеся колонны, упавшие капители¹⁹ поросли травой, дожди истребили красоту фриз, предназначенных для того, чтобы символизировать вечность чьей-либо жизни. Пейзаж поглотил все, что ему много веков назад навязала воля человека, все, в чем человек усматривал свою победу над душой лугов, небес и гор.

Эта земля противится смерти. Ее вечность – в разноцветных крыльях бабочек, кружащихся над тростниковыми перголами²⁰, в басистом гуле шмелей и в скрипичном жужжании пчел в темных амфорах кипарисов, до краев наполненных небом, в ящерицах, вылетающих из-под ног, как зеленые молнии. Такова вечность этой земли.

Перед глазами у нас все еще стоит огромная гробница Цецилии Метеллы²¹, выделяющаяся своим пепельным цветом среди зелени коренастых олив, а на губах чувствуется терпкий вкус вина, которое мы пили на террасе в тенистой беседке, обращенной своим выходом к горам Альбано.

Конечно, все это – мелкие детали; возможно даже настолько мелкие, что о них нечего и писать. И наверное, мы действительно никогда бы не писали об этой незначитель-

---

¹⁹ Капитель – венчающая часть колонны.

²⁰ Пергола – увитая зеленью беседка или коридор на столбах или арках.

²¹ Надгробие Цецилии Метеллы, жены Красса, находится на Аппиевой дороге; в настоящее время приобрело вид зубчатой башни.

ной минуте нашего союза с римской Кампанией, если бы не устойчивое ощущение того, что именно там, в дрожащей тени перголы с видом на виноградник, горы Альбано и Виа Аппиа, осталась частица нашей души.

Поначалу нам казалось – впрочем, это было легкомысленное заблуждение, – что мы являемся логическим центром этого пейзажа, однако потом, побыв некоторое время в волнах теплого ветра и в шуме виноградных зарослей, мы поняли, что представляем собой лишь декоративную деталь, цветное пятно на фоне зелени и неба.

Сущность пейзажа – это его композиция, и потому, глядя на этот пейзаж, мы сознаем, что не мы его создаем, а он нас. Это впечатление настолько сильно, что мы можем определить границы собственного естества, заключенного в волшебном очаровании этой земли, как определяют взглядом границы леса, очертания кипарисов или изгибы реки. О, как же трудно нам сегодня точно выразить, каким образом произошло это удивительное обручение с римской Кампанией! Возможно, небо было слишком горячим, и потому глаза застилала пелена, а может быть, в терпком вкусе вина присутствовал запах земли или нежное прикосновение виноградной лозы, касающейся наших пальцев, было слишком легким и дразнящим. Мы знаем, что даже самый подробный анализ не поможет ответить на этот вопрос, потому что никогда нельзя будет объяснить, как человек вживается в пейзаж, обогащая его всей музыкой своего естества.

В один прекрасный день вновь оказавшись в тени перголы, своим наклоном устремленной к горам Альбано и гробнице Цецилии Метеллы, мы без труда ощутим себя в этом вечном пейзаже. Он так верно сохранит нас, что мы будем чуть ли не указывать пальцем на те места римской Кампании, где мы невыразимым образом существуем в своем прежнем облике, который был у нас в то время, когда мы впервые услышали музыку этой земли – ведь музыка может быть также и разновидностью молчания.

* * *

И вот, наконец, наступил тот день, который стал одним из прекраснейших дней в нашей жизни.

Машина едет по светлому шоссе, плавно поднимаясь вверх среди умбрийских холмов. Мы проезжаем мимо уставшего мула, который тащит телегу с высокими колесами и терпеливо позвякивает красной упряжью. Позади остаются белые дома с зелеными ставнями и маленькие забегаловки, где после тяжелого трудового дня отдыхают крестьяне, склонившись над пузатыми фьясками²² с вином. Издали доносится звон колоколов, который своим чистым тоном углубляет тишину сгущающихся сумерек. Мы оставляем позади серые замки, возвышающиеся на зеленых холмах, крохотные сред-

---

²² Фьяска (ит. fiasco) – большая оплетенная бутылка.

невековые городки, дворцы и колодцы. Архитектура вошла в умбрийский пейзаж с безупречной осторожностью и стала его органичным дополнением. Если убрать из умбрийского пейзажа замки и дворцы, городки и виллы, в нем образуется болезненная рана, которую не залечит даже присутствие человека.

Пригорки Умбрии струятся волнистой линией, плавной, как линии Джотто или Чимабуэ²³, они спокойны даже там, где внезапно превращаются в крутые скалы Карчери. Эти пригорки никогда не бунтуют против неба, не пронзают облака своими острыми вершинами. Они подобны молитве, доверчиво возносимой к небу, произносимой спокойным голосом, иногда переходящей в молитвенный зов, но никогда – в крик протеста или заклинание. И если какой-либо художник не умеет восхищаться природой самой по себе, поскольку любит только свое представление о ней, то этот умбрийский пейзаж, несомненно, разучит его так воспринимать окружающее, потому что своей красотой, благородством красок и неповторимостью линий превосходит все, что способна вообразить самая богатая фантазия художника. Не человек создает этот пейзаж. Сам пейзаж диктует человеку свое состояние, заставляя его настраивать душу на

---

²³ Джотто ди Бондоне (1266-1337), Чимабуэ (ок. 1240 – ок. 1302) – итальянские живописцы, представители Проторенессанса, оставившие в Ассизи свои творения.

лад этих тихих холмов и лесов, виноградников и оливковых рощ. Умбрийский пейзаж освобождает человека от бремени его естества.

Машина движется по ровному асфальтовому шоссе. По обеим сторонам дороги снова и снова возникают оливковые рощи, колеблемые легким ветром, и кипарисовые аллеи, которые представляют собой единственный мощный аккорд в этих пейзажах тишины, протянувшихся куда-то далеко-далеко, до самого лазурного горизонта, закрытого цепью волнистых холмов.

Из-за горного склона появляется серый городок, сверху накрытый сводом небес, а в долине окутанный легким туманом. Весь мир уменьшается до размеров крохотной птички, клюющей зернышки у ног Беднячка²⁴.

Машина взбирается в гору. Позади остается Бастья²⁵, церковь Санта-Мария-дельи-Анджели – внутри нее находится Порциункола, место земной кончины Беднячка. И вдруг перед нашими восхищенными глазами вырастает базилика Святого Франциска, врата небес, воплощенный в камне аккорд григорианского хорала.

Уже вечерело, когда мы вошли в базилику. Хор монахов пел молитву, а солнце медленно клонилось к закату. Базилика была полна серафического духа. Ее полумрак (здесь нель-

---

²⁴ Беднячком (ит. *povertello* – беднячок) называли святого Франциска за его особенную любовь к христианской бедности.

²⁵ Городок в Умбрии, расположенный неподалеку от Ассизи.

зя не сказать, что францисканский полумрак не создан из земной тьмы, а соткан из небесного света), просветленный мелодией молитв, покоился, словно на ангельских крыльях, на двух разноцветных лучах, падавших из витражей в боковых нефах. Когда над холмами Умбрии сгустились сумерки, витражи в базилике постепенно погасли. Их горячие цвета, насыщенные за день солнечным светом, теперь погрузились в спокойный ангельский сон. Живое небо вступило в базилику.

Мистерия Ассизи

Ассизи находится в провинции Умбрия, расположенной к северо-востоку от Рима. Умбрия находится... интересу-

ющихся отсылаю к Бедекеру²⁶. Нам же ясно, что Ассизи, маленький городок, прилепившийся к склону умбрийского холма, находится на границе земли и неба. Утром, когда серо-золотой туман опускается на стоящую в долине церковь Санта-Мария-дельи-Анджели²⁷, отчетливо видно, как Ассизи постепенно отрывается от земли и, наполняясь звоном колоколов, соединяется с непорочной голубизной неба. Единственным напоминанием об исчезнувшей внизу земле остается изумрудная вершина купола церкви Ангельской Божией Матери, плывущая, словно голубь, над серафической пеленой тумана.

Так ежедневно на рассвете происходит самая прекрасная мистерия дня – вознесение Ассизи. В это торжественное время жители города необычайно сосредоточены. Тихие, молчаливые, они словно на цыпочках идут по улицам – даже если направляются в эту раннюю пору на работу в мастерские и магазины.

Во второй половине дня этот самый «евангельский» в мире город вновь опускается на землю. Рассеявшийся туман открывает зеленую долину, плавно подступающую к умбрийским горам, и тогда Ассизи сияет во всем величии своей красоты, становясь библейской лестницей, по которой устремляется вниз мелодичный каскад света. Зазубренные капите-

---

²⁶ Карл Бедекер – немецкий издатель XIX века, выпускавший путеводители по разным странам.

²⁷ Итальянское название церкви Ангельской Божией Матери.

ли колонн Санта-Мария-делла-Минерва, романская готика церкви Сан-Франческо²⁸, строгий фасад кафедрального собора Сан-Руфино, лесистые склоны гор, темные виноградники и умиротворенные руины Ля-Рокка, бывшего некогда гнездом беспощадного Фридриха Барбароссы²⁹, – все это ступени небесной лестницы. Жители Ассизи, уставшие от далекого небесного путешествия, садятся на скамейках перед домами, неизменно тихие и молчаливые, словно они до сих пор хранят в себе последние звуки песни отца Якопоне да Тоди, серафического певца славы святого Франциска³⁰.

О тишине, царящей в Ассизи, можно было бы написать целый трактат. Тишина – суть Ассизи и его духовная архитектура. Она запечатлена в романском камне, она выражена в облике церквей и людей, она наполняет духом покоя и мудрости все улицы, площади и дома. Трудно сказать, царила ли эта тишина в Ассизи еще до прихода святого Франциска, или же это он ее сотворил, запечатлел в молитве по образу своей души. Ассизи, несомненно, самое тихое место в мире, а его обитатели – самые тихие люди на этой земле. За несколько недель своего пребывания в Ассизи мы ни разу не слышали громкого разговора на улице, в доме или кафе. Местные жи-

---

²⁸ Итальянское название церкви Святого Франциска.

²⁹ Замок Ля-Рокка принадлежал германскому королю Фридриху Барбароссе (ок. 1125-1290), завоевавшему итальянские земли.

³⁰ Блаженный Якопоне да Тоди (ум. 1306) написал литургические тексты и песнопения в честь святого Франциска.

тели кажутся одним из аккордов молчания, а его венец – звон колоколов, созывающих на молитву «Ангел Господень»³¹

---

³¹ Иначе – «Angelus» (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.